

Переживаемый современной наукой своеобразный "антропологический бум" обусловлен радикально меняющейся социально-культурной ситуацией в мире. Разложение техногенной и начавшееся формирование основ новой, антропогенной, цивилизации предполагает в основе своей стратегической программной установки содержательно интегрированную систему знаний о нашем современнике, о характере и формах его интеллектуальной деятельности, о ценностных ориентирах его нравственно-эстетического отношения к природно-социокультурной сфере своего бытия, в частности, - к своему здоровью. Известно, что влияние научно-технического прогресса на важнейшие направления человеческой жизни заставило переоценить саму взаимосвязь "человек - природа". Чрезмерная интенсификация технологического освоения мира, обнаружившая как культурно необходимые, так и нежелательные свои последствия, выдвинула новые проблемы: сможет ли человек противостоять отрицательным тенденциям в развитии техники? насколько он готов воспринять и ассимилировать её возрастающее давление? от чего зависит судьба живого в планетарном масштабе и жизнь каждого индивида на Земле? и, наконец, в чём смысл и ценность жизни людей, само её предназначение?

Философское осмысление вопросов, непосредственно связанных с бытием человека, а конкретнее - с глобальной проблемой единства человека и природы и определило предметное поле биоэтики, или этики жизни, оформившейся в конце 60-х гг. в качестве самостоятельной дисциплины. В её рамках был существенно скорректирован смысл обсуждаемого многие годы соотношения: человек - наука - техника - природа. Теперь он стал видится не только (и не столько) в обновляющем воздействии науки на производство, сколько в новом и радикальном её влиянии на самого человека. Ставшая приоритетной целью науки эта проблема обусловила необходимость поиска путей и способов восстановления деформированной техногенной культурой его, человека, сущности. Очевидно, что в условиях надвигающейся экологической катастрофы человек не может и не должен оставаться придатком отчуждённых от него его же собственных производительных сил. Человек либо станет сознательным субъектом сохранения, воспроизведения и развития культуры своей жизни, способным преодолеть само это отчуждение, либо приблизится к самому краю непоправимой катастрофы. Биоэтический смысл такого заключения предполагает повышение ответственности каждой социальной группы за судьбы эволюции на Земле, а значит и осознание человечеством в целом планетарно-космического характера своей деятельности.

В этой связи одной из первоочередных, хотя и частных задач биоэтики стала выработка системы нравственного регулирования научной деятельности биологов, генетиков, медиков и представителей других наук, которые так или иначе вторгаются в самые основы человеческой природы. Появление такого её подраздела как биомедицинская этика - свидетельство начала таких попыток.

Однако, первые же шаги в этом направлении натолкнулись на неразрешимые методологические казусы. Дело в том, что медицина как одна из ведущих областей человековедения является собой сегодня драматический парадокс науки конца 20 и начала 21 века.

Система знаний о человеке и его здоровье потеряла из вида свой объект и потому по существу дегуманизирована. Иначе говоря, человек как целостный индивидуальный социокультурный, психофизиологический феномен остался за скобками многообразного, но узкоспециализированного ("частичного") медицинского знания. Отсутствие единых критериев психофизиологического статуса человека сужает возможности практического врачевания. И что особенно важно: это обстоятельство не позволяет медикам достаточно обоснованно принимать решения собственно этического плана. Это касается в первую очередь тех нетрадиционных проблем, которые связаны с существенной перестройкой самой клинической практики. Успехи генетики и молекулярной биологии облегчили доступность к манипулированию генетическим материалом человека. Методика оживления, трансплантация, вживление искусственных органов, банк эмбрионов, "пробирочные дети", экспериментирование на человеке - всё это заметно обогатило арсенал средств борьбы за человеческую жизнь, но одновременно поставило перед медициной и такие непростые вопросы как: каковы пределы поддержания жизни смертельно больного? с какого момента зародыш можно считать живым человеком? допустима ли эвтаназия и др. Обсуждение в научной литературе этих и иных биоэтических проблем сочетается с выяснением при этом преимуществ каждой из исторических моделей моральной медицины: Гиппократ ("не навреди"), Парацельса ("делай добро"), деонтологической (принцип соблюдения профессионального долга), биоэтической, основанной на принципе уважения прав и достоинств человека, моделей технического и сакрального типов и др. Однако знакомство с дискуссиями на этот счёт каждый раз рождает одно естественное сомнение: а возможен ли в принципе теоретически аргументированный выход из означенных выше нравственных коллизий? Думается, что нет. Ведь решение медиков относительно той или иной проблемной ситуации не может быть абстрактным, общим на все случаи врачевания. Медицина не терпит стандартов. Определение лечебной и соответствующей нравственной тактики относительно каждого больного зависит не только от диагноза его основной патологии. Во многом оно

должно быть обусловлено учётом индивидуальных особенностей психики пациента, его осознанного отношения к своему состоянию. К примеру, о каком "информированном согласии" заболевшего на предлагаемые ему средства борьбы с недугом может идти речь, если человек эмоционально перевозбуждён или находится в состоянии глубокой депрессии? Односторонний и, как правило, односторонне соматический подход, господствующий в медицине, исключает возможность основательного анализа целостного психосоматического статуса пациента. Вот почему, мы полагаем, что биомедицинская этика, ищущая свой предмет и свои цели пока лишь в сфере права и морали (то есть, строящая себя в качестве самодостаточной системы правовых и моральных норм и принципов, не опираясь на нравственные основы человеческой жизни), не может рассматриваться как окончательно сформировавшаяся область общего человековедения.

Определение профессиональной биоэтической позиции современной медицины изначально предполагает разработку своего теоретического базового основания, т.е. концепцию, рассматривающего человека системно и целостно как органическое единство многообразного. Отсутствие такой теории обрекает биомедицинскую этику на одну из двух крайних позиций современного эмпиризма: феноменологию или логику позитивистского анализа.

Сама идея "поворота" от узкоспециализированного к целостному представлению о человеке принимается медициной безоговорочно. Но построение даже абстрактной теоретической модели многоуровневой иерархически сложной психосоматической системы - человек, оказывается делом далеко не простым. Имевшие место в истории медицины различные трактовки этой системы: механическая (К.Бернар, З.Вирхов), биологическая (Г.Селье), психоаналитическая (З.Фрейд), кибернетическая (Н.Амосов) при всей своей плодотворности в плане описания отдельных звеньев жизнедеятельности организма не могут служить прообразом будущей биоэтической теории. Если последняя призвана определить ту конкретно всеобщую основу существования человека, из которой выводимы все возможные ипостаси его бытия, то очевидно, что её разработка предполагает преодоление традиционной для конкретных наук односторонности в подходе к изучению своего объекта.

Другими словами, фундаментальная для медицины теория человека и его здоровья должна строиться как целостная доктрина человеческого типа жизни, синтезирующая в самом своём основании, а, тем самым, и в содержании своём, основные идеи и принципы современного человековедения. И прежде всего - понятие о человеке как субъекте психосоматического саморазвития, произвольно и целесообразно использующего свои же природные и культурные силы жизни. Главные направления, разрабатывающие в конце XX века эту доктрину, представлены философской антропологией, психологией и, конечно же, медиками-теоретиками, ищущими в качестве предмета своей профессии именно человека, аккумулировавшего в себе и собой природные и социокультурные начала жизни (И.В.Давыдовский и др.).

Чтобы представить себе возможные способы их теоретического сотрудничества, следует предварительно разобраться в содержательном смысле проблем, лежащих "на стыке" этих наук, пока ещё не нашедших путей к своему продуктивному синтезу.

Начнём по порядку и определим проблемное поле такой ведущей гуманитарной дисциплины как философская антропология. Природа, сущность человека как такового - предмет её размышлений. Вместе с тем философская антропология сегодня - это множество школ и потому бесконечное разнообразие точек зрения. Так, утверждая, что "образ человека разбит на тысячи кусков", германский философ М.Шелер считал при этом невозможным совместить все виды разрозненного знания о человеке, поскольку любая достаточно общая дефиниция означала бы отрицание свободы и многообразия такого уникального по своим креативным возможностям существа как человек [1 стр. 32].

В целом же, современные философско-антропологические учения в соответствии и их исходными методологическими установками, концептуальным содержанием и направленностью можно, хотя и весьма условно, разделить на две группы: субъективистско-антропологические и объективистско-онтологические. В рамках концепций первой группы человек понимается как существо полностью или в основном автономное. Его бытие всецело определяется субъективным "Я", суть которого выводится из различных сфер внутренней жизни индивида. Это или разумно-познавательная деятельность, отмеченная печатью индивидуальных особенностей интеллекта, или это - бессознательно-иррациональные волевые импульсы и устремления, или - экзистенциальное самоощущение или, наконец, духовно-нравственные силы. В каждой из этих сфер жизнедеятельности человека заключена, по мнению авторов, основа личностной свободы человека, его творчества, направленного на созидание как своего индивидуального, так и общечеловеческого бытия. (К концепциям субъективистского толка относятся антропологические доктрины экзистенциализма, персоналистские учения, философия прагматизма, психоаналитическая антропология).

В теоретических построениях второй группы человек рассматривается как существо, целиком зависимое от объективных факторов его бытия: космоса, природы, мирового разума, божественного провидения, фаталистически понимаемой социально-исторической закономерности. (К примеру, структуралистская антропология, операционно-бихевиористская концепция, социобиология, философия физикализма, неотомистская антропология и др.).

Различные по своему содержанию философско-антропологические концепции описывают и соответственно конструируют определённый, но всегда достаточно односторонний образ человека, образ, который затем сознательно или неосознанно используется конкретными гуманитарными науками в их исследованиях, а также и в практике реальной работы с людьми. Именно поэтому каждая из современных человековедческих, в частности психологических школ, изучая феномен человека-личности, как правило, акцентирует своё внимание лишь на особых его качествах. Так предметом теоретического анализа выступают: человек-игрок, человек-робот, человек-компьютер, человек-вместилище нужд, инстинктов, потребностей, или, наконец, человек - система реакций на различные стимулы и т.д.

По справедливому заключению Э.Кассирера, односторонность каждой из подобных теорий - это своеобразное прокрустово ложе, на котором под заданный образец подгоняются все возможные эмпирические данные. [2 стр. 12]. В результате в области человековедения царит анархия идей и фактов. Но богатство фактов, лишённых единого концептуального основания - это ещё не богатство мыслей. (Многознание не означает мудрости, как говорил Гераклит).

Вместе с тем сближение различных позиций в философской антропологии представляется весьма возможным. Обязательное условие к этому - выявление той "базисной структуры", той конкретно-всеобщей основы существования человека, которая детерминирует и в определённом смысле порождает все разнообразные формы его (человека) жизнедеятельности. В поиске такого основания нитью Ариадны, как нам представляется, может стать концепция предметной деятельности К.Маркса.

В истории философско-антропологической мысли общественно-значимая целенаправленная преобразовательная деятельность человека впервые стала рассматриваться в качестве ведущего способа его бытия в трудах немецких классиков. Правда, последние (Кант, Фихте, Гегель) трактовали эту деятельность сугубо рационалистически в единстве главных и самодостаточных (с точки зрения авторов) её аспектов: познавательного и нравственного. Марксу удалось представить жизнедеятельность людей в качестве особого по форме и структуре, но естественного и тем самым объективного, по своему существу природного, взаимодействия. Предметом его концепции стал не мир сам по себе (объективистский подход), не человек сам по себе (субъективистский подход), а "мир человека", т.е. его бытие в деятельно преобразуемом им же самим природном и социальном пространстве. Известное утверждение Маркса, что "...история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией" [3 стр. 594-595] несмотря на свою, казалось бы явную метафоричность содержит глубокий методологический смысл. Он достаточно основательно проанализирован в трудах российских философов и психологов (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, Э.В.Ильенков, Ф.Т.Михайлов, В.В.Сильвестров, М.Б.Туровский и др.).

В контексте нашего анализа важно подчеркнуть лишь следующее. Конституирующей особенностью человеческой жизни как формы обмена веществ является не пассивное видоспецифическое, а "производительное потребление" (= преобразовательная орудийная деятельность). Именно оно логично приводит к перестройке естественной природы homo sapiens'a, в основании которой развиваются сформированные прижизненно новые "функциональные органы" (А.А.Ухтомский, А.Н.Леонтьев) или "сущностные силы» (К.Маркс). И значит, главный атрибут человека - его сознание - это не сложившаяся эволюционно новая субстанция (будь то некая духовная организация - душа, или особая физиологическая структура мозга), а сформировавшийся в рамках произвольной и целесообразной деятельности способ выражения новой отличной от биологической формы полагания любого природного объекта. Полагания его уже как осваиваемого социокультурного предмета жизнедеятельности в его всеобщей форме, т.е. в форме цели, в форме знания.

Овеществление, или объективизация в предметном теле веществ и сил природы аффективных смыслов средств общения - орудий, слов, символов, изображений и т.п., да и самих способов созидательной активности людей, возможна только в системе общественной (а значит, надындивидуальной) корреляции мотивов поведения каждого субъекта. Но, опять-таки, лишь при овнешнённой их реализации в общественно значимой (всеобще-культурной) форме. В системе деятельного сотрудничества, предполагающего со-мыслие и со-чувствие всех участников этого процесса, образ результата их деятельности необходимо теряет инстинктивный характер, он символизируется, становится средством выражения цел и соответственно программы её достижения. Человек изначально входит в свою историю как демиург, как преобразователь.

Преобразуя природный мир, переводя натуральное в культурное, человек производит не только необходимый ему предмет. Он производит многообразную совокупность новых форм сотрудничества, результатом чего оказывается обновлённая общественная жизнедеятельность, а значит и новый по своим активным качествам человек.

Живая общезначимая деятельность людей, создающая каждый раз новые культурные формы, отливается и на время как бы застывает в них. Живой продуктивный труд переходит в стадию репродуктивного труда. Но последний снова оживает, будучи втянутым в процесс преобразовательного и созидательного самоутверждения

человека в мире. Поэтому истинный генофонд человечества, - это материальная и духовная культура индивидов - субъектов деятельностного общения. Сам человек потому и универсальное существо, что в качестве субъекта произвольной и целесообразной деятельности в общении, воспроизводящей содержание общечеловеческой культуры, он репрезентирует своим индивидуальным бытием её (культуры) целостность. Субъект, творящий мир своего бытия не только познаёт его, но и обретает в нём всеобщие смыслы самого своего существования.

Итог сказанному. По нашему мнению, «деятельностный подход» к человеку - это именно та методологическая позиция, которая обеспечивает возможность целостного и объективного решения фундаментальной проблемы философской антропологии. Конечно, само понятие предметной деятельности, не позволяет дать исчерпывающее объяснение сложному феномену человеческой природы, включающему все глубоко личностные движения души каждого индивида, всё многообразие языковых, знаково-символических форм общения и поведения, всех типов деятельностно-семиотической переработки природной своей основы в целесообразность и произвольность творческого мышления. Но потому и называют концепцию Маркса подходом, что, не решая многих из означенных проблем, она позволяет наметить направление и основные ориентиры исследования. А объективно выбранное начало пути есть, как известно, половина его дела.

Деятельностный подход обнаруживает явные преимущества перед другими методологическими позициями современной философской антропологии:

1. Он позволяет преодолеть односторонность концепций как субъективистского, так и объективистского толков, используя при этом и их рациональные моменты;
2. Отстаивая приоритетное значение социокультурной сферы бытия человека, он не отрицает роли собственно природных факторов. Через культуру как "вторую природу" воспроизводится единство мира собственно природного и человеческого;
3. Деятельностный подход позволяет наметить пути решения одной из ведущих антропологических проблем - проблемы социального и биологического, хотя на наш взгляд, сама постановка последней не корректна. Уже на стадии антропосоциогнеза формируется принципиально новый тип организации живого. Морфофизиологические особенности его организма представляют собой предпосылку и прямой результат исторического развития и закреплённых в культуре форм и способов человеческой деятельности. В соматической наследственности homo sapiens'закладывается лишь механизм онтогенетического приспособления к общению и к орудийной деятельности. Иначе говоря, основную программу своей жизни человек находит не в устройстве своего тела, не в его органических функциях, а в предметных формах культуры, в способах и средствах общения. Открытость системы «Человек», для любого вида социальных деятельных отношений - это специфика существа, не имеющего аналогов в биологическом мире. В этом плане распространённое в научной, в том числе и в психологической литературе положение о том, что каждый новорожденный - только "кандидат в люди", на наш взгляд, не строго. Оно противоречит диалектическому принципу саморазвития, согласно которому движущие факторы становления любого системно сложного объекта содержатся уже в его исходном основании.

Известный психолог С.Л.Рубинштейн полагал, что ребёнок входит в мир с уже заложенной способностью жить в нём по-человечески. Первым криком своим он подтверждает свою готовность быть "зеркалом" другого человека и соответственно видеть в нём себя как в зеркале. Вместе с тем, для антропологии очевидным стал и тот факт, что общение (со-мыслие, сочувствие, со-действие) как основополагающий фактор человеческой жизнедеятельности привело по-своему к драматическому последствию, а именно к резкому снижению собственно биологической приспособленности, выражающемся в размывании норм реакций в видовом поведении человеческих предков. Биологические способы разрешения этого феномена оказались непродуктивными. Поэтому, чтобы включиться в исторически конкретную систему творимой им культуры, человек сам должен освоить себя в качестве естественного существа. Эта целостность, это тождество в различии его жизненных сил и представляет, на наш взгляд, основание для конкретной постановки проблемы социального и биологического, определения её исторического состава. Абстрактного решения эта проблема в принципе не имеет.

4. И, наконец, самое главное для основной цели нашего рассуждения: понятие предметной деятельности оказалось возможным использовать как средство функционального объяснения и обоснования целостности предмета такой ведущей гуманитарной науки как психология. Работы (в том числе и экспериментальные!) ведущих российских психологов Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина и других славных представителей данной школы это весьма репрезентативно подтвердили. Совокупность высших психических функций человека была реинтерпретирована ими в качестве функциональных органов его деятельности, что открыло путь к объяснению происхождения психики как таковой.

Почему среди многих гуманитарных дисциплин, идеи которых могут быть ассимилированы в общую теорию медицины, мы выделяем именно психологию? Потому, что только эта наука способна трансформировать общие

философско-антропологические понятия в собственно медицинские. Ведь предметом и героем психологии (как и в медицине) является человек, его индивидуальность, представленная не абстрактно, не как некое "родовое" существо (Фейербах Л.), а как становящаяся, страдающая и радующаяся личность, творящая себя и мир своего бытия.

Психология рассматривает каждого человека как целостную психосоматическую «открытую систему» с различными уровнями упорядочивающей динамической интеграции, высшим из которых является уровень сознания. Его социокультурное, психофизиологическое основание составляет необходимое условие жизни человека, оно предопределяет и каждое из его собственно человеческих способов отношения к миру.

Психика опосредствует все жизненные отправления личности, она обеспечивает в целом функцию ориентации человека в его внешнем, внутренне переживаемом и осмысливаемом мире, его способность управления своей жизнедеятельностью, в том числе и своим организмом. И в этом смысле вряд ли оправдано категоричное истолкование известного афоризма: «В здоровом теле здоровый дух». Ведь действительна и обратная связь: здоровая психика - основа нормального физиологического состояния человека.

Для психологии проблематика философской антропологии и полученные от её изучения результаты имеют вполне однозначный методологический смысл. Он заключается в требовании изучать индивидуальную природу личности в контексте анализа её жизнедеятельности в системе исторических по своему характеру общественных отношений. Для каждого индивида эти отношения

проявляются в способе гражданской, производственной и бытовой субординации социальных "ролей" окружающих его людей, а также совокупностью нравственно-эстетических ценностей, обуславливающих духовно-психологическую атмосферу его макро - и микросоциума.

Классическая философия (Декарт, Фихте) нередко связывала категорию "личность" с понятием рефлексии, или самосознания, толкая его как способность индивида ощущать и оценивать своё внутреннее душевное и физическое состояние. И хотя способность к самоанализу является одним из существенных качеств личности, обеспечивающая её поведению определённую последовательность и устойчивость, жизнь нередко убеждает нас в том, что самочувствие человека может быть неадекватным, иллюзорным. Другими словами, личность нередко по самой своей сути представляет собой далеко не то, что она сама о себе думает.

В научной литературе нет единого однозначного определения личности. Многие авторы вместо общей дефиниции выделяют лишь отдельные факторы её (личности) формирующие. Это: "индивидуальные свойства человека как предпосылки развития личности, исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений" [6 стр. 170]. За каждым из этих факторов стоят различные и пока недостаточно соотнесённые между собой области знания. Но одно соображение объединяет их. Понять индивидуальное своеобразие личности возможно лишь на пути "от общего к частному", т.е. проследив как характерные человеческие качества, нравственно-эстетические ценности, потребности и их мотивация, особенности того или иного типа темперамента формируются и своеобразно проявляются у данного индивида.

Психология личности призвана разрабатывать свои понятия и оценки на основе постулатов общего человековедения. Последние составляют исходные определения места человека в мире, они фиксируют всеобщие способы чувственно-практического, нравственно-эстетического освоения и созидания человеком человеческого типа жизни. Самой же психологии необходимо решить вытекающую из этих постулатов проблему: каким образом всеобщие (а значит, надиндивидуальные) формы деятельности и общения воспроизводятся индивидом, определяя его потребности, способности и все другие личностные качества. Отличие психологии от общегуманитарного видения человека в какой-то мере отражает различие между «сущностью» и «существованием» человеческой индивидуальности, обусловленное всей совокупностью социальных отношений и той локальной их зоной, в которой существует и формируется конкретный индивид. При этом следует принять во внимание, что путь от социального к индивидуальному (и более обобщённо) от внешнего к внутреннему нельзя сводить лишь к одному его типу - принудительному влиянию общества на индивида без учёта других возможных видов их взаимодействия. Общество не может быть уподоблено понятию пространства в ньютоновской физике, т.е. мыслимому лишь как условие, рамка, внешняя среда развития личности.

Человек как субъект целенаправленной деятельности по освоению и преобразованию своего бытия является одновременно и её предпосылкой и её результатом. Приобщаясь к различным сферам социальной жизни, и овладевая при этом процессами собственного поведения личность приобретает всё большую самостоятельность и автономность. Всё это и определяет индивидуальный психологический статус, т.е. "самость" личности. Российский психолог И.С.Кон выделяет в этом статусе три главные модальности: 1. психофизиологическая идентичность, которая обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов; 2. социальная идентичность, обозначающая систему свойств, благодаря которым индивид становится субъектом своего социального бытия; 3. личная идентичность (или эго - идентичность), которая выражается в единстве и

премущественности различных форм жизнедеятельности, целей, мотивов, смысложизненных установок личности, осознающей себя как "самость" [5 стр. 368].

Чтобы специалисту - психологу (равно как и медику), составить целостное представление о личности, надо выбрать адекватную своему предмету методологию анализа. При этом сразу возникает вопрос: возможно ли в принципе представить в понятиях иерархически сложную организацию индивида, включающую множество уровней и факторов его существования? То есть каждое из его «отношений к миру - зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь - словом, все органы его индивидуальности» (Маркс К.) [6 стр. 591].

Личность - это живой естественный индивид с особой, характерной только для него морфофизиологической организацией. Поэтому исследование феномена личности предполагает определение её психофизиологической целостности, в рамках которой ум, душа и телесность есть нечто единое. Как же соотнести изучение психических функций и неотделимых от них физиологических механизмов, исключив при этом рецидивы психофизиологического параллелизма или одностороннего физиологизма?

Современное движение системщиков (Л.ф.Берталанфи, О.Ланге, М.Месарович, К.Боулдинг и др.) пришло к однозначному заключению: разрабатываемая ими универсальная модель системы, претендующая стать аналогом для любого конкретного научного системного исследования, всегда формальна. Она не может учитывать качественно специфические механизмы становления структурно-сложного динамичного по своей сути объекта. Содержательно определить такой объект возможно только в рамках генетического анализа, направленного на выявление в процессе становления (генезиса) объекта такого способа его действия, а точнее, взаимодействия (если система открытая), которое, выступая односторонне, лишь как одно из функциональных проявлений системы, вместе с тем выражает и полагает её сущность как целостной. [7 стр. 162 - 163].

Чтобы использовать этот метод в психологии, надо предварительно решить вопрос о том, что же следует рассматривать в качестве функциональной единицы психофизиологического статуса личности. В свое время в этой роли выступали: ощущение, реакция, рефлекс. Но, как известно, построить с их помощью модель системы «Человек» не удалось. Необходимые параметры для выбираемых единиц системного анализа наиболее чётко, на наш взгляд, сформулировал родоначальник деятельностного подхода в психологии Л.С.Выготский:

Единица должна быть не диффузным или синкретическим целым, построенным из элементов путём их соединения, а связной психологической структурой.

Единица должна содержать в противоположном виде свойства целого.

Единицы, сохраняющие структурные свойства целого, должны быть способны к развитию, в том числе и к саморазвитию, т.е. они должны обладать порождающими свойствами и возможности их трансформации в нечто иное по сравнению с исходными формами. Иначе говоря, единица должна быть живой частью целого.

Единицы должны не только отражать внутреннее единство психических процессов, но и позволять исследовать отношение изучаемой психологической функции ко всей жизни сознания в целом [8].

С точки зрения Выготского, анализ, расчленяющий сложное целое на подобные единицы, даёт возможность выработки синтетического представления об органическом единстве изучаемого объекта.

В психологии деятельностного подхода в качестве такой понятийной функциональной единицы, такой "клеточки", которая отражает сущность жизнедеятельного психофизиологического статуса личности, т.е. её индивидуально неповторимой субстанции, выступает понятие "потребность".

Потребности любого живого организма - это его актуализированная нужда в чём-либо, необходимом для жизни и развития (веществе, энергии или информации). Все жизненные функции проявляются в форме потребностей, а реальная активность организма осуществляется в способах деятельного их удовлетворения. В этом смысле "категория потребности исключительно универсальна, поскольку она применима ко всему пути эволюции живой природы от её простейших форм до познавательной и творческой преобразующей деятельности человека" [9 стр. 132]. Потребность замечательна тем, что она не одна из многих "рядом положенных" функций организма, а такая его функция, которая интегрирует в себе остальные, побуждая организм к активному самоутверждению и самодвижению. "Естественные нужды" (А.Н.Леонтьев), с которыми рождается человек, не есть ещё естественные потребности, поскольку не всякая нужда организма осознаётся человеком и превращается в целенаправленное побуждение. К примеру, нужда организма в минералах и витаминах. Способы удовлетворения нужд (в тепле, пище, воздухе), тому пример - заторможенное развитие детей, живущих в печально известных домах ребёнка.

Та же логика «работает» и в отношении потребностей. Потому важной задачей психологии личности является установление возрастных границ, регламентирующих возможности формирования различных по уровню и

направленности потребностей человека. Для психологии, равно как и для педагогики, медицины и других человековедческих наук необходимо выявить тот сенситивный период, в рамках которого формируются потребности в новых действиях и деятельности, потребности в обогащении их содержания и совершенствования способов, т.е. таких, без которых человек не станет активным создателем собственной личности.

Дифференциация потребностей по их предметному содержанию, духовной ценности, обуславливающей способы самовыражения личности - одна из задач психологии.

Потребности как побудительная сила существования человека синтезируют в своём содержании все формы и уровни его психики. Прежде всего, индивид осознаёт свои желания, порывы и способы их удовлетворения как личностные жизненные функции, переживание которые определяет его общее психофизиологическое самочувствие. Отражая зависимость человека от предметного содержания культуры (материальной и духовной) потребности осознаются им в виде субъективных образов предстоящей или осуществляемой деятельности. Мотивация потребностей не только осознаётся индивидом, но и эмоционально переживается им. Став предметом постоянных эмоционально оценочных отношений, личностные идеалы, обязанности, нормы поведения превращаются в устойчивые стереотипы жизненной активности. Развитие, становление человека как личности находит своё отражение в своеобразном триедином процессе: расширение и обогащение круга потребностей формирует разнообразные социально ценные мотивации, которые в свою очередь обогащают, делают предметно содержательными эмоции человека.

Принятие решения, оправдывающего тот или иной из конкурирующих в сознании мотивов поведения, требует от личности внутренних усилий, необходимых для осуществления данной цели деятельности, а это актуализирует её волю.

Единство содержания конкретной потребности и способа её удовлетворения, включающего все формы человеческой психики (чувства, мышление, волю) обеспечиваются механизмом установки, т.е. складывающимся на основе опыта устойчивым предрасположением индивида к определённой форме реагирования. По определению Д.Н.Узнадзе, установка - это общепсихологическая готовность индивида к реализации активированной потребности в данной ситуации. Она имеет сложную структуру, содержащую смысловые (когнитивные), эмоциональные и поведенческие (готовность к действию) аспекты. Механизм установки не позволяет в содержании потребности вычленивать в чистом виде отдельный психологический акт.

Целостному с точки зрения её многообразного в своём единстве содержанию потребности соответствует необходимый для её реализации физиологический механизм, представляющий особое формирующееся прижизненно функциональное объединение. Целевая и функциональная направленность этого объединения, параметры его нормы всецело зависят от характера потребности. Разносторонность потребностей человека обуславливает разнообразие его функциональных физиологических систем-органов (А.Н.Леонтьев), или физиологических органов (А.А.Ухтомский), специфические отправления которых выступают в виде проявляющихся психических способностей и функций, реализующих человеческие потребности. Как отмечает А.Н.Леонтьев, физиологические органы функционируют так же, как и морфологические постоянные органы, однако они отличаются от последних тем, что представляют собой новообразования, возникающие в процессе индивидуального (онтогенетического) развития. Экспериментальные работы, осуществляемые в рамках концепции Л.С.Выготского позволяют выделить некоторые особенности этих органов:

Сформировавшись, они функционируют как единый орган. (Это обстоятельство порождает иллюзию врождённых способностей);

Эти органы устойчивы. Они не подвержены угасанию как простые условные рефлексы;

Отвечая одной и той же задаче, они могут иметь различную структуру. Это обеспечивает широкую возможность взаимокompенсации специфическичеловеческих функций. Функциональные физиологические органы человека - это его социализированная физиология. [12 стр. 421]

Из оказанного выше следует, что потребность как функциональная единица психофизиологической системной субстанции личности сама требует системного рассмотрения. Каждый элемент потребности как жизненно важной деятельности активности человека (предмет, её цель, мотив, оценочные эмоции, воля, установка, физиологический механизм) взятый сам по себе не открывает тайны своего содержания. Только представленные соотносительно в рамках единой системы - потребности они обнаруживают свою содержательную взаимодетерминированность. Вне этой системы, как справедливо отмечает В.А.Лефевр, встреча «сознания» и «тела» может в принципе не состояться.

В лучшем случае в отношении между физиологической и психологической лабораториями возобладает принцип дополненности, и тогда принцип корреляции можно сформулировать так: "чем больше известно о деятельности мозга некоего субъекта, тем меньше информации можно добавить о его психологическом состоянии" [13 стр. 30] и

соответственно - наоборот. Итак, в феномене потребности органически сочетаются различные ипостаси деятельного бытия личности, в нём отражается неразрывное единство социально-личностного мира человека и его организма.

Понятие "потребность" даёт возможность наметить принципы системно-целостного подхода к человеку и выявить исходные параметры его психофизиологического оптимума, т.е. его здоровья.

Психосоматическая целостность индивида исключает определение здоровья только с помощью параметров нормального физиологического состояния его организма. Понятие здоровья гораздо шире. Дееспособность - вот основной признак полноценности естественного человеческого существования. Критерии здоровья должны отражать гармоничность психофизиологического статуса человека. Нам представляется, что в качестве таковых и следует рассматривать содержание и способы проявления человеческих потребностей.

Качественные признаки потребностей, в меру необходимых, способствующих психофизическому развитию способностей человека, обеспечению его нормального дееспособного тонуса - это и есть критерии разумных, или здоровых потребностей.

Половые, возрастные, профессиональные, личностные особенности людей, равно как и морфофизиологические индивидуальные качества их организма не позволяют выработать общую универсальную модель здоровья, но в этом и нет необходимости. Определение здоровья через призму потребностей даст возможность наметить принципы индивидуального подхода к установлению возрастных, половых, социально-психологических цензов нормальной человеческой жизнедеятельности. При выяснении показателей индивидуального психофизиологического оптимума показатели здоровых потребностей личности оказывается возможным принять за необходимые "точки отсчёта", обуславливающие границы нормы функционирования соответствующих физиологических органов.

Разработанная на стыке философской антропологии, психологии и медицины концепция потребностей, включающая обоснованное определение их характера, путей и способов формирования и реализации может быть положена в основу общей теории медицины. В условиях общей психосоматической её направленности ведущей врачебной профессией призвана стать специальность психоаналитика, понимаемая в самом широком смысле этого слова [14]. Психологически и соответственно биоэтически ориентированная медицина, определяя и внедряя в повседневную жизнь людей, оправданные гигиенические нормы их бытия, контролируя, оптимизируя процессы развития человека как субъекта своей жизни, сможет во многом способствовать формированию у населения здоровых потребностей и здорового образа жизни.

К примеру, научно-технический процесс, радикально изменивший ритм жизни и усиливший интеллектуальное, эмоциональное и психологическое напряжение деятельности любого вида привёл к резкому снижению физической активности людей, что губительно повлияло на состояние их организма. Острую форму приобрело противоречие между чрезмерно рационализацией жизни человека и вызванным этим обстоятельством кризиса эмоциональности, основные направления которого: состояние стресса, эмоциональная дисгармония, отчуждённость, незрелость чувств [15 стр.288].

Понятно, что борьба с подобными недугами не может ограничиться подбором необходимых фармакологических средств. Она предполагает осознание социальных истоков этих патологических отклонений и соответственно выработки социально-психологических мер, побуждающих людей к здоровому образу жизни.

Биоэтический смысл здравоохранительной социальной политики в свете сказанного видится в следующем. Принципы осознанного целостного восприятия человеком самого себя в диалоге с осваиваемой им природой отражает известная формула триединства, онтологический смысл которой отстаивали многие философы (Платон, Соловьёв В.С.). "Истина требуется, чтобы знать мир; добро, чтобы сохранить его; красота, чтобы восхищаться им". Восстановить эту формулу в культуре общества, сделав её определяющим мотивом всех потребностей человека можно, если подчинить все стороны общественной жизнедеятельности началам экологической этики, содержащей в себе новый ценностный подход к природе, к человеку, к собственному здоровью. Принцип равноправия всего живого ("благоговения перед жизнью" А.Швейцер) в рамках экологической (биологической) этики скорректирован относительно высшего смысла бытия человека. Он означает воплощённое в человеке стремление природы стать универсальной жизнью. Из этого следует, что субъектом биологической этики может быть только гармонично развита личность, сочетающая в себе на основе телесно-чувственно-разумной целостности духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство. Сущность такой личности "социально-природна, космически универсальна" [15 стр. 288]. Атрибутами целостной личности являются взаимодополняющие друг друга творчество и любовь (в её философском значении), помогающие человеку понять и проникнуть в гармонию природы.

Перед лицом глобального экологического кризиса основная задача современной культуры, опирающейся на все социальные институты, -создать объективные материальные, социальные и духовные предпосылки к

переориентации человека на биоэтическое, т.е. созидательно-творческое эстетическое и нравственно значимое отношение к себе, обществу, природе. "Важный аспект обретения гармоничности - синтез истинного, благого и прекрасного в творчестве природы человеком" [16 стр. 178].

* *

Вернёмся к началу нашего рассуждения о статусе биомедицинской этики в системе медицинского знания. Мы пришли к заключению, что базовую основу этой дисциплины должна составить целостная концепция психосоматической природы человека.

Построение такой концепции предполагает единое, теоретически постулируемое основание определений природы человека в философской антропологии, в психологии и в медицине. Первые две, представляя собой ответвления фундаментальной теории общего человековедения, призваны постулировать методологическое основание частных его ветвей, и естественно, в первую очередь - медицины. Их идеи и принципы обусловят целевую направленность и логическую последовательность многоэтапного прогресса исследования в рамках конкретных медицинских дисциплин сложной по своей внутренней структуре системы «Человек». Именно такой подход, как нам представляется, и способен привести к разработке её (медицины) общей теории. Это утверждение принимается многими специалистами, работающими в данном проблемном поле, однако, как ни прискорбно сознавать, оно и сегодня не выходит из разряда, лишь благих пожеланий. Сотрудничество медицины, философской антропологии и психологии пока только декларируется, оно ещё не стало реальным.

В системе российского высшего медицинского образования, к примеру, напрочь отсутствует такая наука как психология личности, в содержательном взаимодействии с которой настоятельно нуждаются прикладные медико-психологические дисциплины: педиатрия, психиатрия, нейропсихология, психофармокология и др.1

Вот почему вывод из всего сказанного выше достаточно неутешителен.

Обсуждение новых и столь важных для медицины биоэтических проблем, не подкреплённое аргументами из сколько-нибудь проработанной концепции человека как социально-естественного существа, обречено ещё долгое время оставаться в лоне чистых абстракций. А это значит, что пока ещё очень условна вероятность получения столь ожидаемой теоретически обоснованной и практически значимой биомедицинской концепции нравственной основы терапевтического и хирургического освоения фундаментальных открытий генетики, молекулярной биологии и др.

Знаковым событием стало открытие в РГМУ в 2001 - 2002 учебном году нового Факультета клинической психологии

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелер М. Положение человека в космосе. В сб. "Проблема человека в западной философии". М. "Прогресс" 1988
2. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. В сб. "Проблема человека в западной философии". М. "Прогресс" 1988
3. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, М. 956 Асмолов А.Г. Психология личности. М. МГУ. 1990
4. Кон И.С. Загадка человеческого "Я". В сб. "Психология личности в трудах отечественных психологов". Санкт-Петербург . 2001
5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. 1956
6. Блок А.М. Методологический смысл системного подхода в современной науке. В сб. "Методологические проблемы современной биологии". М.
7. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собр. соч. т.3. М. 1983
8. Симонов. Потребность как фундаментальное понятие биологии и психосоматической медицины. В сб. "Биология и медицина". М. 1985
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 12
10. Петленко В.П., Сержантов В.Ф. Проблема человека в теории медицины Киев. "Здоровье". 1984
11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. Изд. МГУ. 1981
12. Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души. Вопросы философии. 1990. №7
13. Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства. М. "Медицина". 1983
14. Полис А.Ф. Оптимизация эмоциональной жизни как пограничная проблема экологии человека. В сб. "Взаимодействие общества и природы", М. Наука. 1986
15. Орелов А.А. "Человек гармония природа". М. "Наука". 1990